

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-137-143

ЛЕКСИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ОБЫСКУ И ВЫЕМКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПРАВИЛ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ)

© *Валентина Николаевна Шашкова*

*Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова, г. Орел, Россия*

valentina.shash@mail.ru

Аннотация. С опорой на функционально-ролевой принцип анализа номинативных единиц выделены лексические кластеры, отражающие структуру концептуального поля «Следственные действия при проведении обыска и производстве выемки»: актаны; действия при проведении обыска и производстве выемки; объекты, подлежащие обыску и/или выемке; условия проведения следственных мероприятий. В рамках соответствующих семантических полей в русском и английском языках выявлены тенденции, общие для обоих языков: использование уточнения сигнификативного значения посредством дополнительной лексемы и метонимии в качестве регулярных механизмов номинации, синтаксический параллелизм, широкое использование имен событийной семантики, а также родовой референциальный статус наименований следственных действий. Сделан вывод о том, что на фоне общих характеристик можно выделить специфику лексического оформления, обусловленную реалиями и особенностями языкового строя языка.

Ключевые слова: функционально-ролевой принцип, номинативная единица, референтная область, уточнение сигнификативного значения, метонимия, имена событийной семантики.

Для цитирования: Шашкова В.Н. Лексический компонент оформления статей, посвященных обыску и выемке (на материале Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федеральных правил уголовного судопроизводства Соединенных Штатов Америки) // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 137-143. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-137-143

PHILOLOGY

Original article

Lexical component of the articles devoted to search and seizure (as exemplified in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Rules of Criminal Procedure of the United States of America)

© *Valentina N. Shashkova*

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

valentina.shash@mail.ru

Abstract. Based on the functional-role principle of analysis of nominative units the article identifies lexical clusters reflecting the structure of the conceptual field “Investigative Actions During Search and Seizure”, namely actors; actions during search and seizure; objects to be searched and/or seized; conditions of investigative actions. Within the framework of the corresponding semantic fields in Russian and English, the tendencies common to both languages are revealed: the use of clarification of significant meaning through an additional lexeme and metonymy as regular nomination mechanisms, syntactic parallelism, extensive use of names of event semantics, as well as the generic reference status of the names of investigative actions. It is concluded that against the backdrop of general characteristics we can identify the specificities of the lexical component in each language, due to the realia and peculiarities of the linguistic structure of the language.

Key words: functional-role principle, nominative unit, reference zone, specification of significative meaning, metonymy, names of event semantics.

For citation: Valentina N. Shashkova Lexical component of the articles devoted to search and seizure (as exemplified in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Rules of Criminal Procedure of the United States of America). *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 90. No 1. P. 137-143. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-137-143

Введение

Когнитивно-дискурсивная парадигма в языкознании в фокусе внимания имеет функционирование языковых средств в дискурсе, обслуживающем определенную сферу общения, сквозь призму моделей репрезентации знаний, хранящихся в сознании носителей и пользователей языка. Когнитивно-дискурсивная парадигма не отрицает традиционные системные характеристики языковых единиц, она позволяет исследователю взглянуть на них сквозь призму категоризации действительности с опорой на функционально-ролевой принцип и теорию семантических падежей [6] и совокупность тех номинативных средств, которые позволяют вербализовать аспекты определенной референтной области.

В нашем исследовании референтной областью является сфера деятельности сотрудников органов внутренних дел, касающаяся проведения обыска и производства выемки. Фундаментальным постулатом исследования является положение о возможности классифицировать пласты лексики и комплексных номинативов, служащих для описания анализируемой референтной области, посредством функционально-ролевого подхода. В исследовании мы дифференцируем термины «концептуальное поле» и «семантическое поле». Концептуальное поле – это термин когнитивной лингвистики, отражающий обобщенные представления пользователей языка об определенной референтной области, ее участниках, их действиях, результатах. Семантическое поле относится к системно-структурной и функциональной лингвистике, отражая номинативные средства отражения различных аспектов референтной области и концептуального поля, а также значения, закрепленные за ними. Именно поэтому в нашем исследовании концептуальное поле одно, а именно: «Следственные действия при проведении обыска и производстве выемки». Оно фактически концептуально отражает соответствующую референтную область профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Формируется рассматриваемое концептуальное поле двумя семантическими полями, которые разнятся в том числе и по языковому параметру: «Следственные действия при проведении обыска и производстве выемки» для номинативных средств русского языка и «Investigative Actions Undertaken While Carrying out a Search and a Seizure» для номинативных средств английского языка.

Методологическую базу исследования составляют сравнительно-лингвистический метод, сравнительно-типологический метод, функционально-ролевой подход, классификация и метод семантического анализа. Материалом для анализа послужили статьи 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [5], а также 41-ое правило Федеральных правил уголовного судопроизводства Соединенных Штатов Америки [10].

В целях анализа лексического компонента весь пласт номинативных средств русского и английского языков, используемых для описания референтной области «Следственные действия при проведении обыска и производстве выемки» был разбит на кластеры в соответствии с функционально-ролевым принципом:

1. актанты (лица, прямо или косвенно задействованные в проведении обыска и/или производстве выемки);
2. действия, производимые в ходе проведения обыска и производства выемки (глагольные и именные фразы);
3. объекты, которые обыскиваются и/или изымаются;
4. условия, при которых осуществляются обыск и выемка.

Обсуждение

Первый кластер глоссария связан с наименованиями актантов, которые принимают непосредственное или опосредованное участие в обыске и выемке. Не только вербальные средства, но и наполнение этого кластера в лексико-семантических группах соответствующих семантических полей на русском и английском языках разнится в силу наличия реалий, таких как «понятые», которые передаются в другом языке, в частности, в английском описательным способом: *witnesses to the search* или *witnesses to the seizure*. Обратим внимание на специфику лексического восполнения комплексной номинативной единицы в английском: наименование следственного действия (*search, seizure*) является обязательным компонентом, за счет которого осуществляется уточнение сигнификативного значения единицы *witnesses*. С точки зрения уголовного процесса номинативные единицы *a witness* и *a witness to the search / seizure* разграничены по семантике: свидетель – это лицо, наблюдавшее совершение преступления, знающее о деталях или обстоятельствах совершения преступления, понятой – это лицо, которое удостоверяет факт производства следственного действия, его хода и результатов. Американское законодательство не предусматривает присутствие понятых при проведении обыска и производстве выемки. В этом случае английский эквивалент не является функциональным аналогом русской лексемы «понятые».

Английский язык применительно к рассматриваемому кластеру лексики также имеет номинативы, обозначающие реалии, обусловленные спецификой судебной системы США, а также регламентацией проведения следственных действий при проведении обыска и производстве выемки. Так, две номинативные единицы, называющие типы судей, обладающих полномочиями по выдаче ордера на обыск и / или постановления на производство выемки: *a magistrate judge* – это судья-магистрат, *a judge of a state court* – это судья, рассматривающий дела в суде штата. Описательный перевод в русском языке связан с тем, что в США существует двоичная судебная система: на федеральном уровне и на уровне штата. Перевод «судья-магистрат», обладая лаконичностью, не считывается с точки зрения внутренней формы. Термин используется для номинации различных типов судей, занимающих низкую должность с более ограниченными полномочиями и обязанностями, чем у судей, работающих в судах общей юрисдикции в одном из штатов. Таким образом, можно констатировать наличие реалий, отраженных номинативными единицами каждого языка, которые имеют семантическую специфику. Содержательный компонент предопределяет необходимость использования дополнительных лексических единиц для уточнения сигнификативного значения единицы-аналога.

Модели распространения синтаксической структуры именной фразы для наименования лиц, у которых проводится обыск или производится выемка, допускают целые придаточные предложения. И в русском, и в английском языках речь в этом случае идет о придаточных определительных, которые по своей природе имеют дескриптивную природу. Так, в УПК РФ встречаются следующие комплексные номинативы: «лицо, в помещении которого производится обыск», «адвокат лица, в помещении которого производится обыск» [5]. В Федеральных правилах уголовного судопроизводства США была выявлена та же тенденция распространения ключевого с точки зрения семантики слова в составе именной фразы: «*the person from whom the property was taken*» [10] – лицо, у которого было изъято имущество, «*the person from whose premises the property was taken*» [10] – лицо, из помещения которого было изъято имущество. Таким образом, можно констатировать синтаксический параллелизм применительно к статьям уголовно-процессуального законодательства как для русского языка, так и для английского языка. В данном случае требованием стиля и жанра является предельная точность изложения процессуальных действий, в связи с чем определительные придаточные используются как средства уточнения сигнификативного значения доминантной с точки зрения семантики лексической единицы комплексного номинатива: *лицо* и *the person* соответственно.

Еще одна тенденция языкового оформления наименований участников следственных действий обыска и выемки на английском языке связана с самим грамматическим строем английского языка и его аналитическим характером. В силу относительно «бедной» морфоло-

гии английского языка примыкание является основным типом синтаксической связи. Такие фразы, как *a government agent*, *a magistrate judge*, представленные сочетанием двух существительных (модель N + N), одно из которых использовано как механизм номинации для уточнения сигнификативного значения лексической единицы, являющейся ядром комплексного номинатива, характерны для английского языка в целом. Та же модель манифестирует себя в текстах нормативных правовых актов, посвященных обыску и выемке, на английском языке при непредставленности ее в номинативных единицах этой лексико-семантической группы в русском языке. В русском языке в качестве типичного дескриптивного элемента, уточняющего сигнификативное значение номинатива, типично используются прилагательные (модель Adj + N): *совершеннолетние члены семьи*.

Кластер номинативных средств, обозначающих действия сотрудников ОВД в ходе проведения обыска и производства выемки, представлен в основной своей массе глагольными фразами, допускающими синтаксическое распространение. При рассмотрении кластера лексики, называющего действия сотрудников правоохранительных органов при проведении обыска и производстве выемки, мы остановимся на синтаксических моделях построения глагольных фраз, которые типично представлены в анализируемом корпусе номинативных единиц. В лексическом кластере, представляющем собой тематическую группу «Действия при проведении обыска и производстве выемки», самый структурно простой вариант представлен типовым сочетанием *V + N*: *to execute a warrant* – произвести обыск (на основании ордера), *to direct a search* – руководить обыском, *to search a dwelling* – обыскивать жилое помещение, а также *произвести обыск / выемку*, *составить протокол*. Основная синтаксическая структура допускает усложнение в рамках реализации механизма уточнения сигнификативного значения номинативной единицы за счет введения дополнительных лексем. Вариантами реализации основной модели в номинативных единицах со значением действий сотрудников правоохранительных органов при проведении обыска и производстве выемки становятся следующие паттерны:

V + N + N (*to request a search warrant* – запросить ордер на обыск, *to obtain a search warrant* – получить ордер на обыск; в русском языке в отсутствие вариантов реализации примыкания двумя существительными сама модель усложняется: *V + N + prep + N + N*: *предъявить постановление о производстве обыска*);

V + N + Adv M (*to present an affidavit in support of a warrant* – представить письменные показания в поддержку ордера, *to give notice of the search in advance* – предварительно уведомить об обыске и выемке, *проводить обыск на основании постановления следователя*). Последняя модель интересна семантическими классами обстоятельственных комплексов, которые уточняют значение глагольной формы. Речь, в частности, идет об обстоятельстве цели: «in support of a warrant», а также обстоятельстве образа действия: «in advance» и обстоятельстве причины в русском языке. Во всех случаях, приведенных в качестве примеров, обстоятельство выражено предложной именной фразой.

Еще одна языковая тенденция, которая относится к универсальным, так как присутствует в номинативах и на английском языке, и на русском языке, проявляется в усложнении глагольной фразы за счет однородных членов, соединенных сочинительным союзом: *to give notice of the search or the seizure* – уведомить об обыске и выемке, *изымать предметы и документы*.

В обоих языках были также выявлены случаи использования существительных пропозициональной семантики в качестве ядерного элемента именной фразы со значением действия: *проведение обыска*, *производство выемки*, *the issuance and execution of a search warrant* – выдача ордера на обыск и его производство. Мы констатируем актуализацию метонимии как механизма номинации, имеющего тенденцию актуализации в случаях номинализации действий сотрудника для переноса значения с самого действия на его результат. Отдельно отметим представленные в этой группе номинативных единиц и в английском, и в русском языках отглагольные существительные: *the issuance and execution of a search warrant* – выдача ордера на обыск и его производство; *изъятие документов*. В

этих примерах номинация является пропозитивной, так как за каждой комплексной номинативной единицей стоит пропозиция как компонент семантики высказывания, легко восстанавливаемая до полной формы.

Для статей уголовно-процессуального законодательства как Российской Федерации, так и Соединенных Штатов Америки характерно использование более узкой группы, а именно: имен событийной семантики. К таковым относятся следующие лексемы: *обыск* (подозреваемого), *заключение* (под стражу), *содержание* (под стражей), *prosecution* – уголовное преследование; *suppression* (of evidence) – сокрытие улик. Как отмечает Г.А. Золотова, «структуру ситуации, ее членение мы представляем лишь так, как они отражены в нашем сознании» [2, с. 17]. Так, обыск производит уполномоченное лицо (следователь или лица, уполномоченные постановлением следователя), объектом обыска обычно являются помещения. Целью обыска являются «орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела» (статья 182) [5]. Сама ситуация, таким образом, предопределяет основные семантические роли, зависящие от предиката пропозиции.

Еще один фундаментальный вопрос, требующий уточнения при рассмотрении имен событийной семантики, связан с их референциальным статусом. Под референцией мы понимаем «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [1, с. 411].

Мы разделяем точку зрения, согласно которой «пропозиция, находясь в контексте пропозициональной установки, не имеет выхода в референцию» [4, с. 321; 9, с. 436]. Референциальная специфика имен событийной семантики в нормативных правовых актах в принципе, не только применимо к статьям, связанным с проведением обыска и производством выемки, заключается в том, что событие, предсказуемое актанту в составе пропозиции, не является актуальным.

Референциальный статус имен событийной семантики, которые подлежали выборке и анализу в нашем исследовании, является в большей части примеров родовым [3, с. 238–239], то есть охватывающим все референты или события экстралингвистической реальности, которые в совокупности формируют денотативное пространство лексической единицы.

Кластер «Виды обыска» и в английском, и в русском языках в качестве ядерного элемента комплексного номинатива имеет имя событийной семантики: *search*, *frisking*, *обыск*. Распространение именной фразы с ядром, представленным именем событийной семантики, в русском и английском языках реализуется по-разному. Для русского языка наиболее частотная схема – это Adj + N: *личный обыск*, *первоначальный обыск*, *одновременный обыск*, *разновременный обыск*, в которой прилагательное обозначает тип обыска. В английском языке при анализе статей нормативных правовых актов, касающихся проведения обыска и производства выемки, данная модель была выявлена лишь на одном примере: *a personal search* – личный обыск. Еще одна синтаксическая модель, семантическим компонентом которой является объект обыска, реализуется следующим сочетанием: N + (*prep*) + N. Для английского языка объект обыска может выражаться как существительным в препозиции к ядру номинативной единицы, выраженной ключевой лексической единицей *search*, например *vehicle search*, так и предложной фразой в постпозиции, например *a search of the vehicle*. Для русского языка эта синтаксическая модель обычно реализуется беспредложным вариантом с учетом изменения падежной формы зависимого слова в соответствии с правилами синтаксического управления: *обыск помещений*, *обыск транспортных средств*.

Интересна с точки зрения этимологии и референции номинативная единица *Terry frisking* в английском языке. Если лексема *frisking* используется для наименования личного обыска, то *Terry frisking* – это обыск, производимый при задержании подозреваемого. То есть номинативная единица денотативно закреплена за ситуацией задержания. Так как двухкомпонентная номинативная единица имеет в своем составе имя собственное, референция подкрепляется отсылкой к прецедентному делу, что характерно для американской системы права, основанной на прецеденте. Понятие «*Terry frisking*» возникло в деле 1968 года *Ver-*

ховного суда «Терри против Огайо», в котором полицейский задержал на улице трех мужчин из Кливленда, которые вели себя подозрительно, как будто готовились к вооруженному ограблению. Полицейские провели досмотр и обнаружили револьвер, после чего двое из мужчин были осуждены за скрытое ношение оружия. Мужчины обжаловали свое дело в Верховном суде, утверждая, что револьвер был найден во время незаконного обыска в соответствии с Четвертой поправкой. Суд признал это задержание и обыск допустимыми, постановив, что у офицера было обоснованное подозрение, а не просто догадка, что мужчины могли быть вооружены и опасны.

Кластер номинативных единиц, описывающих условия и обстоятельства проведения обыска и производства выемки, интересен повторяющимися структурами. Например: *in the presence of* в английском языке («*in the presence of another officer and the person from whom the property was taken*» [10] – в присутствии другого офицера и лица, у которого было изъято имущество. В американском законодательстве относительно широко представлены временные условия проведения обыска и производства выемки: *within a specified time* – в рамках установленного времени; *during the daytime* – в дневное время. Номинативные единицы обстоятельственного значения часто имеют отрицательные коннотации. Например: *with unnecessary severity* – с неправомерным применением силы; *without probable cause* – без достаточных оснований. В русском языке уточнение условий и обстоятельств проведения обыска и производства выемки так же реализуются посредством именных фраз с предлогом: *при задержании лица, при заключении лица под стражу, в присутствии понятых, на основании судебного решения, на основании постановления следователя*. По семантическому критерию в этом кластере представлены номинативные единицы со значением причины и сопутствующих обстоятельств.

Выводы

На основании полученных результатов мы делаем вывод о том, что средства выражения значений, относящихся к семантическим полям «Следственные действия при проведении обыска и производстве выемки» в русском языке и «Investigative Actions Undertaken While Carrying out a Search and a Seizure» в английском языке разнятся в силу отличий в строе языка и семантической специфики реалий процесса уголовного-судопроизводства в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки, а общие черты в этом случае обусловлены избирательностью языковых средств, предопределенной сферой общения и, соответственно, типом дискурса. Конечно, второй компонент вывода носит предварительный характер и требует установления взаимосвязи между конкретными факторами, определяющими указанную корреляцию с языковыми средствами. В этом мы видим перспективы своего исследования. Такое исследование позволит показать, что базовые аспекты, совпадающие в двух языках, будут фундаментальной основой выявления универсальных дискурсивных черт, так как они обусловлены экстралингвистическими факторами, в частности, сферой общения и референтной областью, к которой относятся номинативные единицы.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 188–200.
2. Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г.А. Золотовой. М., 1998. 544 с.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000. 352 с.
4. Падучева Е.В. Предикативные имена в лексикографическом аспекте // Статьи разных лет. М., 2009. С. 317–337.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 11.01.2022).
6. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981. С. 496–530.

7. *Шашкова В.Н.* Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции (26–27 марта 2018 г.) / Под ред. О.Ю. Ивановой. Орел, 2018. С. 192–199.
8. *Шашкова В.Н.* Лексический компонент оформления статей, посвященных преступлениям против собственности (на материале Уголовного кодекса Российской Федерации и Примерного уголовного кодекса Соединенных Штатов Америки) // Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 155–168.
9. *Anderson J. R.* A theory for the recognition of items from short memorized lists // *Psychological Review*. 1976. Vol. 86. P. 417–438.
10. Federal Rules of Criminal Procedure of December 1, 2014. Washington: US Government Printing Office, 2014. 87 p.

References

1. *Arutyunova N.D.* Types of language meanings. Evaluation. Event. Fact. M., 1988. Pp. 188–200.
2. *Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu.* Communicative Grammar of the Russian Language. Ed. G.A. Zolotova. M., 1998. 544 p.
3. *Kobozeva I.M.* Linguistic semantics. M., 2000. 352 p.
4. *Paducheva E.V.* Predicate Names Viewed from the Standpoint of Lexicology // *Articles of Different Years*. M., 2009. Pp. 317–337.
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174- Fz of December 18, 2001 (ed. of December 30, 2021). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (reference date 11.01.2022).
6. *Fillmore Ch.* The case for case // *New in foreign linguistics*. Issue X. M., 1986. Pp. 496–530.
7. *Shashkova V.N.* The analysis of nomination means and mechanisms used to describe the reference zone “The Law Enforcement Official’s Activities” (as exemplified in Russian and English) // *Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference “The Problems of Linguistics, methodology of teaching and the theory of literature in light of intercultural communication”*. Oryol, 2018. Pp. 192–199.
8. *Shashkova V.N.* The lexical component of the articles covering crimes against property (as exemplified in the Criminal Code of the Russian Federation and the Model Penal Code of the United States of America) // *Humanitarian and Social Sciences*. 2021. N 2. Pp. 155–168.
9. *Anderson J.R.* A theory for the recognition of items from short memorized lists // *Psychological Review*. 1976. Vol. 86. P. 417–438.
10. Federal Rules of Criminal Procedure of December 1, 2014. Washington: US Government Printing Office, 2014. 87 p.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 30.01.2022.

The article was submitted 12.02.2022; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 30.01.2022.